

Елена Миронова

Миронова Елена Степановна родилась в 1976 г. в Нижнем Тагиле. Закончила филологический факультет Нижнетагильского государственного педагогического института. Занимается журналистикой. Публиковалась в журнале «Урал» (в том числе под псевдонимом Пилипец), в «Литературной газете», в местных газетах и журналах. В 2001 г. стала финалистка конкурса «Илья-премия». Участница АСУП-3. Живёт в Нижнем Тагиле.

Филологическая маркировка стихов Е.М.

Традиции, направления, течения: неосимволизм, модернизм, метафоризм.

Основные имена влияния, переклички: В. Кальпиди, Е. Сунцова, Е. Ионова, А. Петрушкин, другие коллеги по уральской поэтической школе, из предшественников – О. Мандельштам.

Основные формальные приемы, используемые автором: анжанбеман, в отдельных случаях – избавление от пунктуации и строчных букв, выдвигание морфемы внутри слова ((раз)даёт). Стоит выделить ещё два типичных для поэтики Мироновой приёмов: первый – слегка искусственное «произрастание» образа, когда лексический концепт (чаще всего абстрактный – «свет», «вода») вытягивает за собой следующий; связи между ними чаще всего произвольны, что создаёт ощущение «плетения словес», питающегося внутренними соками, но органичного для подобного способа речи («сама с собою водит хороводы», по словам Мироновой). Второй – приём некоего «остранения» (по Шкловскому), мистификации пространства.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: характерный для нижнетагильских авторов мотив «умирания, переходящего в рождение», свет, вода, небо, «небесные пчелы».

Творческая стратегия: трансформация художественного опыта метафизически-почвенной

поэзии, своеобразное обновление темы «земного рая».

Коэффициент присутствия: 0,34

АВТОБИОГРАФИЯ

Оглядываясь назад и соглашаясь с великими в том, что не все, что является фактом, заслуживает того, чтобы быть описанным, все же вынуждена пренебречь этой безусловной мудростью. Будучи связана обязательствами (не лучший, признаюсь, стимул), не могу отказаться от попытки представить обычную жизнь обычного обывателя в хоть сколько-нибудь читабельном свете. И так, полете...

1976-й год

В январе 1976 года население Земли достигло 4 миллиардов человек. В том же году американский врач Роберт Джарвик создал искусственное пневматическое сердце, а американские предприимчивые техники Стивен Возняк и Стив Джобс в примитивной мастерской в гараже разработали персональный компьютер на плате «Apple-1». Параллельно в Японии появился факс, передающий одну страницу за 3 минуты, а по электронной почте в Англии королева Елизавета II отправила первое электронное письмо.

В этом ряду рождение еще одного жителя планеты Земля, случившееся 13 мая 1976 года в провинциальном уральском городке Нижний Тагил, прошло незамеченным для всех, за исключением разве что родных и, может быть, медперсонала, принимавшего роды.

Первое воспоминание

Первое воспоминание, запечатленное тогда еще детским сознанием, относится к трехмесячному возрасту и вызывает, по правде говоря, некоторое недоверие всех, кому случилось об этом услышать. И, тем не менее, все было именно так. Даже если было иначе.

... Белое-белое помещение... Белый стол... склонившиеся в белых халатах люди... Я не понимаю, что они делают, но чувствую какие-то болезненные ощущения во всем теле...

Много позже мама рассказывала, что в трехмесячном возрасте, когда от сердечного заболевания умерла моя сестренка-двойняшка, мне брали кровь, чтобы посмотреть, нет ли у меня такой же патологии. Венки у младенцев – только на головке, а чтобы увеличить кровоток, тебя щипают за лодыжки, пятки, вызывая крик. В моем воспоминании нет никаких звуков... ни одного – только цвет и какое-то удивление... а еще – желание, чтобы это закончилось.

Анализ тогда по каким-то причинам не проводился, но повторить мама его уже не позволила. А «белое» впоследствии еще долго сопровождало меня не только во снах, но и в стихах, однако это никогда не было связано с чем-то болезненным:

*Белое-белое в варежках детского сна,
Бог поутру надъишал этот сон на стекло...*

или

*Бело... Отчаянно бело...
Но музыке в тебе светло
расти вдоль белого молчанья...*

Семья

Папа <Степан Степанович Пилипец>. Я его почти не знала в детстве и не могу похвастаться тем, что хорошо знаю сейчас. Так уж сложилась наша жизнь и наше общение. Но, кажется, лет в двадцать почувствовала, да-да, именно почувствовала, что значит «родная кровь». Я люблю своего отца, а все остальные нюансы не столь уж важны.

Мама <Ольга Анатольевна Пилипец (в девичестве Кокурова)>. Мама – это то лучшее, что есть во мне. Я не знаю другого такого человека, который бы так любил жизнь и так умел любить. Ее не стало в 1994 году, она не дожила нескольких месяцев до своего 38-летия.

Младший брат <Александр Степанович Пилипец>. И по сей день остается для меня Шуриком – компаньоном детских игр, главным свидетелем и соучастником всех детских шалостей и тайн.

Конечно, были еще бабушки и дедушки и даже прабабушки и прадедушки – каждый из них внес свою посильную лепту в мое воспитание и становление, за что им всем – низкий поклон и сердечное спасибо.

«Школьные годы чудесные»

Чудесами школа не сказать, чтобы баловала, что, впрочем, не умаляет ее все еще непотускневшего очарования. Одно из самых ярких воспоминаний – за плохое поведение на глазах у всех разорванная в клочья Почетная грамота в первом классе. Признаться, поведение мое в начальной школе, действительно, не отличалось особой примерностью: подделка родительских подписей, стирание оценок, вырванные из дневника листы... Зато, в отличие от поведения, память у меня всегда была прекрасная, что и позволяло учиться на «отлично», не прилагая к этому особых усилий.

Мое одиннадцатилетие было отмечено началом моей трудовой биографии. Вместе с мамой и братом мы ходили по вечерам мыть нашу школу. Запомнилось: кислотовато-яблочный (удивительно, но почему-то, действительно, яблочный) запах школьных помойных баков, красная вязаная домашняя юбочка, неловкость и стыд при редких

С родителями (мне – 1,4 года)

встречах с одноклассниками, а на обратном пути – просто обалденное пение вечерних сверчков, и темное, глубокое небо, сплошь засеянное звездами.

Тогда же было написано первое самостоятельное стихотворение. Память не сохранила его полностью, только несколько первых строк:

*Весною сорок первого кончилась тишина –
Гроном прогрохотала нежданная война.
И все, кто мог, шли на фронт,*

*чтоб сразиться в бою
И, если нужно, отдать за Родину жизнь свою.*

Муж, Алексей

Е.М., 2012 г.

Музой, точнее музом, послужил не кто иной, как Александр Грифионович Твардовский с его гениальнейшим «Василием Теркиным».

После девятого класса, скорее по совету мамы, чем по велению души, похоронив в себе талантливого

Дочь, Алёна

юриста и великую актрису, поступила в педагогический колледж на педагога дошкольного образования, который с отличием окончила спустя пять-шесть лет. Мои дальнейшие университеты – Нижнетагильская социально-педагогическая академия (факультет русского языка и литературы) и Московский литературный институт имени Горького (к слову, так пока и не оконченный).

Взрослая (ой ли) жизнь

Есть одно событие, разделившее мою жизнь на «до» и «после». Это случилось в шестнадцать. Восемь диагнозов, два года полной неизвестности и постельного режима, без надежды когда-нибудь снова встать на ноги и быть, как все. От одиночества спасали родные и книги, от желания покончить со всем этим быстро и легко – мечты... Пожалуй, никогда в жизни я больше так отчаянно и по-настоящему не мечтала. И именно тогда впервые поняла, что все наши мечты имеют свойство сбываться.

Сегодня мне тридцать шесть, и у меня есть все, что нужно для полноты ощущения жизни. Любимый муж. Трое детей, которые всегда держат в тонусе и не дают заскучать. Кошка. Мышка. Пара божьих коровок на комнатном фикусе. Машина и желание сдать на права. Квартира и перспектива сделать в ней когда-нибудь офигительный ремонт. Работа, с которой, правда, мы не сошлись характерами и хотим по обоюдному согласию развестись. А еще есть стихи, написанные на коленке между кухней и детской в те редкие минуты, когда, наконец, удастся сделать паузу и прислушаться... – к себе, к детскому разноголосому гаму, к обалденному пению вечерних сверчков...

До своей книги, наверно, еще не доросла. Публикации – редко когда нравятся. После единственной и неожиданной более чем литературной премии – боже упаси от еще одной: как говорится, хочешь убить поэта – дай ему премию.

На этой оптимистической во всех смыслах ноте имеет смысл закруглиться. А тех редких птиц, кои долетели-таки до этого берега Днепра, не могу не поблагодарить и заметить на прощание: «биографии, на основе которых нельзя написать захватывающий рассказ, не говоря уж о романе, обычно принадлежат самым счастливым людям».